

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

О ЖАНРОВОЙ И КОМПОЗИЦИОННОЙ СПЕЦИФИКЕ
«ХРОНОГРАФИИ» МИХАИЛА ПСЕЛЛА

«Хронография» Михаила Пселла — уникальное явление даже на отнюдь не бедном литературном фоне Византии XI—XII вв. Это произведение находится на уровне лучших образцов европейской литературы средневековья и раннего Ренессанса и вполне заслуживает того, чтобы к нему подходили с критериями, обычно применяемыми при оценках выдающихся художественных памятников прошлого. В научной литературе «Хронографию» использовали главным образом как исторический источник и памятник общественной мысли, а выдающиеся литературные достоинства этого сочинения большинством авторов отмечались попутно. О необходимости комплексного изучения произведения Пселла и встающих в связи с этим вопросах еще в 20-х годах писал в рецензии на издание «Хронографии» И. Сикутрис¹, однако большинство поставленных Сикутрисом проблем и поныне остается без решения². Настоящая статья представляет собой попытку выяснить жанровую специфику и в связи с этим особенности композиции сочинения Пселла.

Михаилу Пселлу, как и многим другим византийским авторам, свойственно рационалистическое отношение к собственному творчеству. Писатель почти не говорит о вдохновении, зато многократно упоминает о правилах, искусстве (τέχνη) литературного труда. Поэтому всякий разговор о художественном своеобразии произведений Пселла следует начинать с установления теоретических принципов автора.

Вынесенный в заглавие термин *χρονογραφία* без сомнения принадлежит самому Пселлу и свидетельствует о сознательном отнесении этого сочинения к хорошо известному жанру хронографии³. Вместе с тем Пселл

¹ J. Sykoutres. — BZ, 27, 1927, S. 99 ff.

² Анализю стиля Пселла посвящено большое исследование: E. Renauld. Étude de la langue et du style de Michel Psellos. Paris, 1920. Отдельные вопросы, связанные с художественным методом Пселла, рассматриваются в следующих работах: J. Sikutris. Zum Geschichtswerk des Psellos. — BZ, 30, 1929/30, S. 61—71; J. Hussey. Michael Psellos, The Byzantine Historian. — «Speculum», X, 1, 1935, p. 81—90; K. Svoboda. Quelques observations sur la méthode historique de Psellos. — «Bulletin de la société historique bulgare», XVI—XVIII. Sofia, 1940, p. 384—389.

³ «Хронографией» называет Пселл свое произведение и в самом его тексте (Chron., I, p. 101). Все ссылки на «Хронографию» даются нами по изданию: Michael Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (967—1077), texte établi et traduit par E. Renauld, 1—2. Paris, 1926—1928. Интерес представляет упоминание «Хронографии» в одном из писем Пселла: Bibl. gr., V, p. 352—353 [Bibliotheca graeca medii aevi, ed. C. Sathas, Paris, IV (1874), V (1876)]. Некий Махитарий, друнгарий виглы, обрушился с нападками на Пселла. «А я-то, — сетует в ответном письме Пселл, — создавая свою «Хронографию» и рассказывая в ней о благородных мужах, в числе

строго не придерживается этого термина, а, напротив, чаще именуется свое сочинение *ιστορία*⁴, что лишний раз свидетельствует об отсутствии в византийской литературе четкого разделения жанров хронографии и истории.

В одном случае писатель несколько подробнее останавливается на жанровой специфике своего произведения. Заявив о том, что он не собирается писать подробной истории и вдаваться в детали. Пселл продолжает: «... Поэтому-то я и опустил в истории многое достойное упоминания, не расчленил ее по олимпиадам и не разделил, подобно Историку (Фукидиду. — *Я. Л.*), по временам года, но просто повествую о наиболее важном и о том, что у меня всплывает в памяти, когда я пишу. Как я уже сказал, я избегаю сейчас подробного рассказа о всех событиях и предпочел средний путь между теми, кто писал о владычестве и деяниях древнего Рима, и теми, кто в наши дни создает хронографии; я не подражаю ни пространному изложению первых, ни сжатости последних, и я не хочу, чтобы мое произведение ни оказалось бы перенасыщенным, ни обошло молчанием значительное»⁵. В приведенном отрывке высказаны три сознательные авторские установки. Прежде всего, Пселл отказывается от анналистической традиции в расположении материала. Во-вторых, Пселл открыто провозглашает мемуарный характер своего сочинения. Фраза «Я просто повествую о наиболее важном и о том, что у меня всплывает в памяти, когда я пишу», — стереотип мемуарной литературы любой эпохи. И, наконец, в-третьих, Пселл говорит о своей промежуточной позиции между древними историками и современными ему авторами хронографических сочинений⁶.

Известный интерес для характеристики жанровой специфики «Хронографии» представляет также следующее: рассуждая о задачах историка и о границах жанров истории и энкомия, Пселл замечает: «Я взялся за повествование о жизнях императоров» (*ιστορεῖν δὲ τοὺς τῶν αὐτοκρατόρων ἐπιβέβληται βίους*)⁷. Эти слова указывают на связь «Хронографии» с жанром античных *βίοι*, представленных Плутархом⁸.

Таким образом, Пселл в «Хронографии» сознательно не примыкает ни к одному определенному античному или византийскому жанру, хотя и явно ощущает свою связь с некоторыми из них. Такая позиция полностью согласуется с общим отношением Пселла к литературной традиции (главным образом в применении к стилю), неоднократно декларировавшимся писателем в ряде сочинений. «Мне приходилось читать многих достойных и великих древних ораторов, — пишет Пселл, — но не в пример многим я не позволял им (ораторам. — *Я. Л.*) водить себя за нос, а добавил нечто свое к некоторым положениям Лонгина, во многом исправил искусство

первых упомянул тебя. . .» Из письма, написанного в период правления императора Исаака Комнина (1057—1059), ясно, что Пселл приступил к работе над своим историческим произведением раньше 1059 г. — даты, которую обычно принимают исследователи (см. *Н. Скабаланович*. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. VII; *G. Moravcsik*. *Byzantinoturcica*, I, Berlin, 1958, S. 437—438).

⁴ См. Chron., I, p. 32, 37; II, p. 70, 76, 160.

⁵ Chron., I, p. 152—153.

⁶ По мнению Е. Рено (Chron., I, p. 152, п. 3), Пселл имеет здесь в виду, с одной стороны, Дионисия Галикарнасского, с другой — Скилицу. И то и другое отождествление представляется нам недоказанным. Под греческими историками, писавшими о древнем Риме, вполне могли подразумеваться Полибий или Дион Кассий, хорошо известные в Византии того времени. Что же касается Скилицы, то вряд ли он способен служить лучшим примером хронографической краткости. Трудно также предположить, что Пселлу в период написания первой части «Хронографии» уже был известен труд Скилицы.

⁷ Chron., I, p. 129.

⁸ Эта фраза Пселла не может не вызвать в памяти весьма известные слова Плутарха в предисловии к биографиям Александра Македонского и Юлия Цезаря: *οὐτε γὰρ ιστορίας γράφομεν ἀλλὰ βίους*.

Адриана, Сопатра же почти целиком осудил. . .»⁹. Интересно полемическое противопоставление себя «многим» (т. е. своим современникам) и энергичное выражение («не позволил водить себя за нос»), которое писатель находит для осуждения слепого следования античным образцам.

В сочинении, озаглавленном «О стиле некоторых сочинений», Пселл перечисляет писателей (Демосфена, Исократу, Аристиду, Фукидида, Платона, Плутарха, Лисия, Григория Богослова), у каждого из которых он что-то заимствовал для себя. Заканчивается трактат интересной характеристикой собственного творчества: «Если же говорить обо мне, то нет у меня достоинств и силы этих писателей, однако речь моя все время оказывается многообразной (ποικίλλεται δὲ μοι διὰ πάντων ὁ λόγος). Свойства каждого (из упомянутых писателей. — Я. Л.) смешиваются у меня в единое целое (εἰς μίαν ἰδέαν). Таким образом, состоя из многих, я един (κἀγὼ μὲν ἐκ πολλῶν εἷς)»¹⁰. По сути дела та же мысль, только в применении к Григорию Богослову, содержится в произведении «Стиль красноречия Григория Богослова, Василия Великого, Златоуста и Григория Нисского». «Он (Григорий. — Я. Л.) не состоит как бы из многих риториков и не следует каждому из них в разных частях своих речей, но, подобно тому, как смешение красок дает новый цвет, краше тех, из которых он произошел, так и цвет речи Григория блещет тысячей цветов. Но по сравнению с ними там есть нечто другое, и он намного их лучше; я не считаю его речь собранием чего-то разнородного и чуждого друг другу, но полагаю, что по своей природе она единообразна (μονοειδῆ τῆν φύσιν)»¹¹.

В приведенных высказываниях Пселл в какой-то степени отдает дань византийскому эклектизму, в то же время позиция писателя весьма знаменательна: теоретик византийской литературы, которую часто (и не совсем без оснований) расценивают как собрание застывших форм, отрицает всякое некритическое следование традиции и утверждает, что сочетание заимствованных элементов должно породить некое новое качество и поднять творчество писателя на более высокую ступень¹².

Большое место, особенно в «Хронографии», занимают рассуждения о границах истории и энкомия. Интерес Пселла к этому вопросу понятен. Значительную часть «Хронографии» занимают характеристики-портреты императоров. Образы монархов с античных времен были предметом изображения главным образом двух жанров: истории и прозаического энкомия. Мастером того и другого жанра был и сам Пселл. Естественно, что соотношение обоих жанров и методов характеристики героев заботит византийского писателя.

Пселл, совершенно не разграничивавший термины «история» и «хронография», неоднократно настаивает на строгом различии жанров истории и энкомия. «. . . В мои намерения входит сейчас не писать энкомий, а создавать истинную историю»; «Поскольку я пишу не энкомий, а истинную историю. . .»; «Если бы я решил создавать энкомий, а не истинную историю. . .»¹³, — подобными замечаниями пестрит текст «Хронографии». Од-

⁹ *Michaelis Pselli Scripta minora*, ed. E. Kurtz, F. Drexl, I—II. Milano, 1936, 1944, I, p. 370.

¹⁰ *Psellos. De operatione daemonum*, ed. Boissonade. Nüremberg, 1838, p. 48—52.

¹¹ *De oper. daem.*, p. 127—128. В другом сочинении Пселл пишет, что Григорий сочетает в себе лучшие элементы стиля античных риториков «не для подражания им», но «чтобы остаться самим собой» (*A. Mayer. Psellos' Rede über den rhetorischen Charakter des Gregorios von Nazianz. — BZ, 20, 1911, S. 48*).

¹² Аналогичные характеристики стиля как сочетания лучших элементов творчества предшествующих писателей встречаются в оценках речей Демосфена Дионисием Галикарнасским и Гермогеном (см. *A. Mayer. Op. cit.*, S. 62). Обращает на себя внимание настойчивое повторение Пселлом мысли об оригинальности заимствующих писателей, о новом качестве, возникающем из смешения старых элементов.

¹³ *Chron.*, I, p. 119; II, p. 146, 149.

нако наиболее подробное противопоставление обоих жанров содержится в биографии Константина Мономаха. «... Как же я преступлю законы истории и буду следовать законам энкомия, — пишет Пселл, — и, как бы забывая о собственном замысле или пренебрегая искусством, не буду проводить грани между произведениями (μη διακρίνων τὰς ὑποθέσεις) и стану сводить к единой цели то, чье назначение различно (ὡν διάφοροι οἱ σκοποί)». Объясняя далее, почему он писал раньше энкомии в честь Константина, и оправдывая льстивость своих прежних панегириков, Пселл раскрывает специфические особенности метода энкомиаста. Константину свойственны как хорошие, так и дурные качества. Однако, создавая энкомий, Пселл «отбрасывает дурное, выбирает только хорошие свойства, соединяет их в своем порядке (ἐναρμόζω ταῦτα κατὰ τὴν οἰκείαν τάξιν), склеивает их и тклет славословия из одних добродетелей»¹⁴. И дальше: «Пишущий энкомий закрывает глаза на дурные свойства, присущие человеку, в честь которого создается произведение, и сплетает ему хвалу из одних его хороших свойств. Если же у этого лица много противоречивых качеств, ритору достаточно и одного доброго дела, чтобы иметь достаточный материал для энкомия. А бывает, что энкомиаст так софистически подает дурные свойства, что превращает их в источник славословия. Напротив, пишущий историю — судья нелицеприятный и беспристрастный, он не склоняется ни в ту, ни в другую сторону, в своих произведениях все меряет равной мерой, не применяет мудрости ни для хороших, ни для дурных»¹⁵.

Приведенные рассуждения имеют определенный интерес для характеристики представлений о литературных жанрах и нуждаются в комментарии. Главное различие между обоими жанрами Пселл видит в различии целей (σκοποί) истории и энкомия. Как известно, значительная часть литературных произведений в Византии имела прикладное значение, и естественно поэтому, что разграничение жанров определялось внелитературными критериями. Главными оказывались не художественные признаки, а назначение сочинения: восхваление — для энкомия, объективное изложение событий для истории¹⁶. Однако различие целей определяет и различие применяемых литературных средств. Смещение жанров, по Пселлу, означает не только отход от собственных замыслов, но и пренебрежение искусством. В отличие от историка, энкомиаст пишет «софистически», он выбирает только добродетели, которые соединяет «в своем порядке». Последнее замечание особенно интересно. Переводчики «Хронографии» понимали выражение κατὰ τὴν οἰκείαν τάξιν в значении «в надлежащем порядке»¹⁷. Наш перевод «свой», «собственный» (т. е. привнесенный автором) передает основное значение прилагательного οἰκείος и выражает смысл высказывания писателя. Иными словами, панегирист из положительных качеств своего героя создает некий «каталог добро-

¹⁴ См. Chron., I, p. 129—130. Любимец Константина Мономаха Пселл был многим ему обязан и в свое время написал в его честь несколько панегириков. Давая в «Хронографии» критическую характеристику своему бывшему покровителю, писатель считает нужным объяснить эту свою позицию требованиями жанра исторического сочинения. Поэтому и появляются рассуждения о жанрах истории и энкомия.

¹⁵ Chron., II, p. 150.

¹⁶ Ср. наблюдения Д. С. Лихачева над системой литературных жанров древней Руси: «Литературные жанры древней Руси имеют очень существенные отличия от жанров нового времени: их существование в гораздо большей степени, чем в новое время, обусловлено их применением в практической жизни. Они возникают не только как разновидности литературного творчества, но и как определенные явления древнерусского жизненного уклада, обихода, быта в самом широком смысле слова». И дальше: «... Жанры различаются по тому, для чего они предназначены» (Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 48—49).

¹⁷ Dans l'ordre convenable (Е. Рено), putting it in proper order (Сьютер).

детелей», изложенных в порядке, определяемом не свойствами образа, а авторской волей¹⁸.

На основании приведенных суждений можно было бы предполагать, что Пселл категорически отрицает всякое взаимопроникновение жанров. Но на деле происходит обратное. «Я поставил себе цель характеризовать (*χαρακτηρίζειν*) этого мужа, а не прославлять его, — пишет Пселл в одном из своих сочинений, — но не следует удивляться, если в этой характеристике (*ὁ τοῦ χαρακτήρος λόγος*) будут и приметы энкомия, ведь эти сочинения близки друг другу и часто переплетаются между собой»¹⁹. В «Похвальной речи Константину Мономаху» Пселл просит императора простить его, если в сочинении не окажется ничего возвышенного. «Принявшийся за историю (*ἱστορίας ἀπτόμενος*) придает ей соответствующий характер, но в конце для похвалы прибавит нечто прекрасное и привлекательное по виду»²⁰.

Как видно, Пселл прямо говорит о возможности соединения признаков разных жанров в пределах одного произведения. Эта возможность, допущение которой, на первый взгляд, противоречит воззрениям писателя²¹, на самом деле вполне соответствует его общим теоретико-литературным представлениям, в особенности касающимся проблем стиля.

Воззрения Пселла на стиль художественной речи сами по себе могли бы составить предмет специального исследования. В данном случае нас интересует только один аспект теорий писателя. Как и большинство древних и средневековых авторов, Пселл чрезвычайно рационалистически подходит к проблеме выбора стиля для своих произведений²², неоднократно рассуждает об уместности или неуместности того или иного стиля в конкретной ситуации, гордится своим умением пользоваться любым слогом и приспособлять его к разным обстоятельствам. Более того, Пселл вполне допускает сочетание разных стилей в пределах одного произведения²³. При этом переход от одного стиля к другому обусловлен изменением предмета и задачи повествования. Иными словами, истинный писатель озабочен подысканием соответствующей формы для каждой части сочинения.

---

¹⁸ Ср. рассуждения самого Пселла в «Эпитафии кесарисе Ирине»: Мне нужно одновременно славословить (*ἐγκωμιάζειν*) и оплакивать (*θρηνεῖν*), замечает Пселл, а это совершенно разные задачи, «ибо энкомий включает в себя каталог добродетелей и систему славословий (. . . ἀρετῶν ἔχει κατάλογον καὶ εὐφημίας οἰκονομίαν). Напротив, надгробный плач не имеет точных правил искусства, но состоит из искренних жалоб, стонов горестной души и слез» (Scr. min., I, p. 146). Интересно, что строгая форма, по мнению Пселла, должна быть свойственна энкомию в отличие от эпитафии.

¹⁹ Scr. min., I, p. 55.

²⁰ Bibl. gr., V, p. 119. Становится понятным поэтому, почему Пселл, говоря об Исааке Комнине в «Хронографии», прерывает его характеристику замечанием: «Достаточно для него энкомий» (*ταῦτα δὲ αὐτάρχει μὲν ἐκείνῳ ἐγκώμιον*), и приступает к исторической части повествования.

²¹ Такое же противоречие наблюдается и в античных литературных теориях: строгое разграничение и в то же время допущение смешения жанров. См. *W. Seidle. Sueton und die antike Biographie. München, 1951, S. 4 ff.*

²² Сознательность в выборе стиля речи, а также забота о его соответствии условиям произнесения и предмету речи — характерная черта как античных, так и средневековых риторических теорий. См. *С. Меликова-Голстая. Античные теории художественной речи. — «Античные теории языка и стиля». М., 1936, стр. 147 сл.; P. Kirn. Das Bild des Menschen in der Geschichtsschreibung von Polybios bis Ranke. Göttingen, 1955, S. 28.* В применении в древнерусской литературе об этом же пишет и Д. С. Лихачев (*Д. С. Лихачев. К истории художественных методов русской литературы XI—XVII вв. — ТОДРЛ, XX, 1964, стр. 8.*)

²³ См. *De orer. daem.*, p. 182: «Гомер славил мужа, который умел «справа и слева держать щит, бычьей обтянутый кожей». Что же касается меня, то я не только умею перебрасывать с бока на бок свое оружие — речи, но могу его выставлять то впереди, то сзади. У речей не один цвет и не одна форма, и то и другое разнообразно и пестро, и кто умеет их смешивать и сочетать между собой, явит любителям многообразное зрелище».

Наиболее четко эти взгляды выражены в «Энкомии Симеону Метафрасту» — трактате, имеющем исключительное значение для воссоздания византийских литературных теорий²⁴. Симеон, как никто другой, умел найти точную форму для своих сочинений (*ἀκριβέστεραν δὲ ἰδέαν οἷς εἴλετο συνθέσθαι συγγραμμάσι*) и всегда приспособлял свою речь к лицам и обстоятельствам. Однако наибольшее его искусство — умение варьировать стиль, не изменяя при этом общего характера и замысла сочинения. Симеон не подбирал содержание под стиль, а наоборот, изменял стиль при изменении содержания.

Таким образом, представитель византийской риторики, славящейся своим выпренным пустословием, одно из главных достоинств писателя видит в его умении привести форму сочинения в соответствие с содержанием.

Такая позиция Пселла должна была, без сомнения, допускать сочетание различных жанровых признаков в одном произведении (как уже указывалось, жанр, по Пселлу, определяется целью и содержанием сочинения).

Почти все элементы теоретико-литературных представлений Пселла, касающихся проблем жанра, основываются на античных воззрениях. Это, однако, не дает права отрицать за Пселлом качеств самостоятельного мыслителя: неоригинальность составных частей — не есть доказательство неоригинальности системы в целом.

Перейдем к вопросу о том, как теоретические воззрения преломлялись в собственном творчестве писателя.

Отнеся свое сочинение к хронографическому жанру, Пселл, как кажется, старается выдержать и его принципы. «Хронография» по-деловому начинается сообщением о смерти императора Иоанна Цимисхия и восшествия на престол Василия Болгаробойцы²⁵ и завершается характеристикой царствования Михаила VII Дуки, при котором Пселл заканчивал свое сочинение²⁶.

Писатель последовательно повествует о правлении сменявших друг друга императоров; рассказ о каждом из них начинается моментом восшествия на престол и заканчивается смертью, отречением или постригом. Однако этими внешними факторами в большинстве случаев и ограничивается действие хронологического принципа в построении «Хронографии». В сочинении не указано ни одной даты, о многих важнейших событиях не упоминается вовсе, хронологическая последовательность часто нарушена, а все произведение по сути дела разделено на ряд биографий, большинство из которых и по содержанию, и по форме представляют собой законченное целое²⁷.

Можно ли выделить какие-то устойчивые жанровые признаки, характерные для всей «Хронографии»? Для ответа на этот вопрос мы воспользуемся главным образом методом анализа композиции отдельных биографий, ибо именно в композиции ярче всего проступают жанровые особенности произведения Пселла²⁸.

²⁴ Scr. min., I, p. 94—97.

²⁵ Недоумение исследователей обычно вызывает отсутствие в сочинении Пселла традиционного введения. Нередко это объясняется тем, что Пселл мыслил свою «Хронографию» как непосредственное продолжение «Истории» Льва Диакона.

²⁶ Не совсем ясен вопрос о письме императора Фоке, присоединенном к «Хронографии». См. J. Sikutris. Zum Geschichtswerk des Psellos, S. 62 ff.

²⁷ Некоторые биографии (главным образом императоров с непродолжительным сроком правления) не представляют собой самостоятельных рассказов, а служат как бы мостами между другими жизнеописаниями. Таковы, например, рассказы о Зое, Феодоре, Евдокии.

²⁸ Жанровые особенности «Хронографии», как и любого другого произведения, проявляются и в ее стиле. Мы не ставим здесь задачу анализировать стиль, отметим только, что Пселл в «Хронографии», как и в ряде других сочинений, бесконечно варьирует стиль, свободно переходя от безыскусного рассказа к выпренному панегирику.

Прежде всего следует отметить выпадение из стиля «Хронографии» двух биографий: Михаила VII Парапинака и Константина X Дуки. Композиция и стиль этих жизнеописаний приближаются к композиции и стилю византийского энкомия. Поставленный перед необходимостью возносить хвалы этим императорам (Пселл пишет в период правления Михаила, сына Константина Дуки), писатель вводит в историческое произведение принципы жанра, приспособленного для прославления²⁹. Хотя использование в «Хронографии» методов энкомия объясняется конъюнктурными соображениями, сама возможность такого использования, как мы видели, вытекает из литературных теорий писателя.

Рассмотрение остальных биографий начнем с анализа жизнеописания Константина VIII (*Chron.*, I, p. 25—31). Этот выбор определяется чисто методологическими соображениями: биография Константина невелика, легко обозрима, в ней нет столь характерных для Пселла обширных отступлений, затемняющих основную структуру рассказа³⁰. Наша задача: выделить определенную композиционную схему биографии и выяснить, насколько она приложима к другим жизнеописаниям.

Приведем краткий план биографии Константина: 1. Восшествие на престол (I, 1—6). 2. Нрав (I, 7—11). 3. Щедрость (III). 4. Женитьба Константина, его дочери (IV—V). 5. Передача управления ученым людям, любовь к представительству (VI). 6. Любовь к зрелищам и прочим развлечениям (VIII—X). 7. Поиски наследника, смерть (X)³¹.

²⁹ Исследователи отмечали несхожесть двух частей «Хронографии», написанных в разное время (первая — кончая жизнеописанием Исаака I, вторая — начиная с биографии Константина X). См. *J. Hussey. Michael Psellos. . .*, p. 82 sq.; *J. Sikuris. Zum Geschichtswerk. . .*, S. 64 ff. Биография Михаила представляет собой типичный «каталог добродетелей», по терминологии Пселла. Композиция жизнеописания Константина более усложненная, но и в ней много черт, характерных для энкомия.

³⁰ Пселл не мог описывать по памяти время Константина VIII и должен был пользоваться какими-то источниками. Сам писатель, начиная изложение свойств императора, предупреждает: *Τούτων τὸν ἀνδρα ὑπογράφων ὁ λόγος τοιοῦτον ἐκδίδωσι*. Е. Рено и Сьютер (авторы английского и французского переводов) полагают, видимо, что речь идет об устной традиции (*ὑπογράφων ὁ λόγος* — у Рено: *les récits*; у Сьютера: *tradition*). Между тем наиболее вероятный перевод: «Таким изображает этого мужа сочинение, в котором он описывается». Напомним, что в биографии брата Константина — Василия II — Пселл прямо ссылается на письменные источники. О предполагаемом здесь источнике можно только догадываться. Единственный параллельный Пселлу памятник, повествующий о событиях того времени, — сочинение Иоанна Скилицы. Скилица пользовался для своего труда письменными источниками (см. *Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae op. ab I. Bekkeri suppletus et emendatus*, I. Вонпае, 1839, p. 4—5). Трудно себе представить, чтобы Пселл, самый образованный человек своей эпохи, не знал сочинений, использованных Скилицей. Обычных признаков наличия общего источника — лексических совпадений и точного соответствия порядка изложения между Пселлом и Скилицей — обнаружить не удастся. Тем не менее, по нашему мнению, имеются следы знакомства обоих авторов с одним и тем же письменным памятником. Все немногочисленные факты и практические детали, приведенные Пселлом в этой биографии, встречаются и у Скилицы (расправы Константина с заговорщиками — *Chron.*, I, p. 25; *Skyl.*, p. 282—283; приближение ко двору незнатных евнухов — *Chron.*, I, p. 26; *Skyl.*, p. 485; назначение наследником Романа Аргира — *Chron.*, I, p. 31; *Skyl.*, p. 484—485). Подобных совпадений нет больше ни в одном из разделов сочинений этих авторов. Их зависимость от одного и того же источника, как нам кажется, особенно ясно видна в двух последних из упомянутых эпизодов. Фраза Скилицы: «От дочери патрикия Алипия, на которой он женился еще при жизни Василия, у Константина было 3 дочери, старшая из них Евдокия приняла постриг» (*Skyl.*, p. 485) — развернута у Пселла в целый эпизод, в котором, однако, нет никаких практических сведений, кроме упомянутых Скилицей. Заполняют же эпизод главным образом характеристики жены и старшей дочери Константина (у Скилицы таких характеристик не бывает вовсе). Обращает на себя внимание совпадение у обоих авторов необязательных деталей: Константин женился еще при жизни Василия, его жена — дочь Алипия и т. д. Во многих частностях совпадают и рассказы о поисках и назначении престолонаследника Константина (первоначальное обращение к Константину Делассину, сопротивление жены Романа, ее постриг и т. д.).

³¹ В планах биографий мы ссылаемся не на страницы издания Е. Рено, а на главы, на которые разбита каждая биография.

Первый и последний пункты приведенного плана (восшествие на престол, смерть, иногда постриг) представляют композиционную и логическую рамку биографии и являются обязательным компонентом всех жизнеописаний. Объем этих разделов (мы называем эти пункты, ввиду их обязательности, первым и последним разделами той «идеальной» схемы пселловских биографий, которую намерены установить) может быть очень различным: от сухого сообщения до подробного повествования об обстоятельствах принятия власти или смерти. Что же касается остальной, средней части биографии, то и она четко делится на два раздела, которые мы условно назовем «предварительной характеристикой» (пп. 3—4) и «детальной характеристикой» (пп. 5—7). Формальной границей между обоими разделами служит фраза: «Пусть же мой рассказ характеризует самодержца, ничего не прибавляя и ничего не отнимая от действительности» (Chron., I, p. 28).

Разделы отличаются друг от друга своей структурой. Первый из них представляет собой характеристику императора, построенную по чисто эйдологическому принципу: без всякого стремления установить какую бы то ни было хронологическую последовательность Пселл перечисляет свойства Константина и сообщает некоторые сведения, представляющиеся ему наиболее существенными. Третий же раздел построен иначе: уже его первая фраза возвращает читателя к моменту принятия Константином единодержавной власти³², а заканчивается он непосредственным переходом к сообщению о смерти (раздел IV). В отличие от раздела II здесь видна определенная тенденция построить рассказ во временной последовательности. Однако хронологическая связь эпизодов при ближайшем рассмотрении оказывается иллюзорной. Как видно из плана, фактически это та же эйдологическая характеристика, лишь имитирующая хронологическую последовательность. Характерен в этом отношении переход к рассказу о смерти Константина, который не обусловлен ни хронологией событий, ни даже логикой повествования, а выполнен с помощью словесно-ассоциативной связи, своеобразного риторического трюка: Пселл повествует об увлечении императора игрой в кости и неожиданно прерывает рассказ словами: οὕτω γούν αὐτὸν τὸ κράτος διαπεττεῖοντα ὁ θάνατος κατελήφει³³.

Такова структура биографии Константина VIII. В композиционном отношении к ней ближе всего жизнеописание Михаила IV (Chron., I, p. 53—85). И здесь повествование, заключенное между рассказами о восшествии на престол и постригом, смертью императора четко делится на два раздела (II — предварительная эйдологическая, III — детальная мнимохронологическая характеристика). Так же как в биографии Константина VIII, после предварительной характеристики императора рассказ возвращается к началу царствования Михаила. И здесь, в разделе III, хронологическая последовательность фактически заменена ассоциативной связью между эпизодами. В данном случае Пселл, начиная с гл. XVI, вводит мотив, который становится композиционным стержнем всего раздела. Этот мотив — болезнь императора. Рассказав о перемене императора к Зое и сообщив, что одной из ее причин была болезнь, заставлявшая императора стыдиться жены, Пселл переходит к рассказу о самой болезни и о ее влиянии на поведение Михаила (гл. XVIII). Отметим далее, что сам он видел императора как больным, так и здоровым, писатель кратко повествует о его благих делах в перерывах между приступами болезни (гл. XIX). Однако поскольку силы покидали императора, начинаются интриги Иоанна Орфанотрофа в связи с кандидатурой наследника престола. Это позволяет писателю ввести

³² Ἐπει γὰρ εἰς αὐτὸν τὸ πᾶν τῆς διοικήσεως ἀνηρτήσατο (Chron., I, p. 28).

³³ Эту фразу Пселла легче всего передать образом, заимствованным из области карточной игры: «И вот его, ставящего на карту державу, таким образом постигла смерть».

большой эпизод о кознях Иоанна и приближении племянника Михаила (гл. XX—XXXI). Вновь вернувшись затем к мотиву болезни, Пселл сообщает о набожности и богоугодных делах, которыми занялся император ввиду приближающегося конца (гл. XXXI—XXXVIII). Так, подведя читателя к общей положительной оценке Михаила, Пселл для иллюстрации ее, «выбрав один из многих подвигов», рассказывает о подавлении императором восстания болгар (гл. XXXVIII—XL). Конец повествования о болгарском походе вновь возвращает читателя к доминирующему мотиву — болезни: Михаил вступает в столицу, измученный недугом. Это сообщение позволяет писателю легко перейти к заключительному разделу биографии — смерти самодержца.

Таким образом, и в этом жизнеописании хронологический принцип оказывается внешним и формальным. На самом деле основной раздел биографии представляет собой сумму соединенных ассоциативной связью эпизодов, служащих для характеристики фигуры императора. Хронологический принцип — не более как внешняя рамка, которая «изнутри» разбивается стремлением писателя к обрисовке своего героя ³⁴.

Откуда был заимствован писателем этот тип построения биографий? Для ответа на данный вопрос немаловажным представляется тот факт, что аналогичную композицию можно обнаружить в речах Пселла, содержащих характеристику исторических деятелей. В частности, деление характеристики на «предварительную» (чисто эйдологическую) и «детальную» (мнимо-хронологическую) с четкими словесно выраженными границами между ними встречается в речах, посвященных Михаилу Кируларию (Bibl. gr., IV, p. 303 sq.), Константину Лихуду (Bibl. gr., IV, p. 338 sq.), Иоанну Мавроподу (Bibl. gr., V, p. 142 sq.), и в некоторых других. Не говорим уже о словесно-ассоциативной связи, чрезвычайно типичной для композиции многих византийских риторических произведений. Это наблюдение выводит нас за рамки хронографического жанра и вводит в область риторики, знатоком и мастером которой был Пселл. К нему вполне применима характеристика литературного метода Плутарха, данная А. Вайцзекером: Плутарх, пишет немецкий ученый, старался решить исторические проблемы риторическими средствами ³⁵.

Установленное нами деление на четыре раздела характерно почти для всех жизнеописаний. Основным из этих разделов, естественно, оказывается «детальная характеристика». Композиционное различие между биографиями более всего сказывается в разнице методов построения этого основного раздела. Принцип словесно-ассоциативной связи соблюдается почти везде, однако во многих жизнеописаниях появляется и нечто новое, о чем речь пойдет ниже. Начнем с биографии наиболее показательной — жизнеописания Исаака Комнина.

Раздел III этой биографии начинается с общих рассуждений о том, почему Исааку не удалось достичь своих целей ³⁶ (Chron., II, p. 114—115). Вскоре, однако, Пселл «спохватывается» и заявляет, что для избежания сумбурности повествования последовательно расскажет, во-первых, о том, как чрезмерно расплодилось тело государства, во-вторых, как Исаак при-

³⁴ К этому же типу биографий с известными оговорками можно отнести и жизнеописание Константина X Дуки, в котором немало признаков чистого энкомия (см. выше). В этой биографии особенно четко выражено деление на «предварительную» и «детальную» характеристику. Границей между ними служит фраза Пселла: «Охарактеризовав этого мужа в общих чертах, я сейчас опишу его более подробно» (Chron., II, p. 140).

³⁵ А. Weizsäcker. Untersuchungen über Plutarchs biographische Technik. Berlin, 1934, S. 59.

³⁶ Пселл заканчивает раздел II этой биографии словами: «Этого достаточно ему для энкомия». Характерно, что термином энкомий писатель обозначает здесь «эйдологический» раздел своего сочинения, по принципам построения действительно напоминающий энкомий.

нялся отсекал его больные члены, и, в-третьих, как у императора ничего из этого не вышло³⁷. Таким образом, сам Пселл предупреждает о трехчастном делении основного раздела биографии и строго его придерживается, расчленив свой рассказ на три «периода» (*καιροί*) жизни государства и императора.

«Первый период» (*πρῶτος καιρός*) — это время прогрессирующей болезни государства³⁸. «Второй период» (*δευτέρος καιρός*) — время, когда император, принявшись за лечение государства, некстати применил быстродействующие средства³⁹. И наконец, «третий период» (*τρίτος καιρός*) — время, когда в характере императора наступают изменения⁴⁰, он становится подозрительным и суровым, отходит от дел и все время проводит на охоте. Последнее дает возможность Пселлу путем ассоциативной связи перейти к рассказу о болезни императора (он простудился на охоте), а уже от болезни логически — к отречению, поискам наследника и т. д.

Как можно заключить из слов писателя, «первый период» включает в себя годы, предшествующие правлению Исаака, начиная со времени царствования Василия II (именно тогда «тело государства» начало раздуваться), а также начальный этап царствования самого Исаака. Наиболее подробно повествует Пселл о «втором периоде», когда император пытался «лечить тело государства». Фактически писатель рассказывает здесь о мероприятиях Исаака во внутренней и внешней политике. Примечательно, однако, что прагматическая история и здесь мало интересует Пселла: в композиционном отношении изложение исторических фактов подчинено тезису о скоропалительности решений императора и заключается выводом о резком изменении характера Исаака под влиянием событий. Сообщение об этом изменении и составляет композиционную грань между второй и третьей частями («периодами») раздела III.

Таким образом, основной раздел биографии Исаака в гораздо большей степени, чем в рассматриваемых выше жизнеописаниях, выдержан хронологически. Однако ведущим принципом оказывается здесь не временная последовательность, а «хронология характера» героя. То, что этот принцип не является случайным, должен показать анализ других жизнеописаний.

«Хронография» начинается рассказом о Василии II. В отличие от биографии Исаака, Пселл основывается здесь не на личных воспоминаниях, а на каком-то неизвестном источнике. Интересно, что именно из него Пселл, по-видимому, почерпнул сведения об изменении характера Василия⁴¹ — факт, положенный писателем в основу жизнеописания.

³⁷ В рассказе об Исааке Пселл пользуется распространенной метафорой: тело государства (*τὸ τῆς πολιτείας σῶμα*) болезненно вздулось, и император лечит его прижиганиями и хирургическими операциями.

³⁸ Пселл заканчивает рассказ об этом периоде: «Таков первый период (*ὁ μὲν οὖν πρῶτος καιρός οὗτος*), который вместо людей породил многочисленных животных, столь разжиревших, что потребовалось немало очистительных лекарств...» (*Chron.*, II, p. 118). Слова *καιρός* Сьютер переводит в данном случае *crisis*, Рено — *ci. constance*. Между тем слово *καιρός* в этой биографии всегда имеет специфическое значение: «период». Так, говоря о некоторых скоропалительных мероприятиях императора, Пселл пишет, что Исаак *ὑπεράλλεται καὶ τούτον τὸν καιρόν*, т. е. «перемахнул через этот период», как бы проводил нужные мероприятия, но не в свое время. Рено считает эту фразу неясной. Ср. дальше (*Chron.*, II, p. 121): «Если бы император предназначил для своих дел нужные периоды, то он бы вместо беспорядка установил бы порядок...» Ср. прим. 39.

³⁹ «Я не ставлю этому мужу в упрек его начинания, но я осуждаю его за период (*τὸν καιρόν*), который он выбрал для своих ошибочных действий». «Повременим говорить о третьем периоде, подробнее расскажем о втором» (*Chron.*, II, p. 118—119).

⁴⁰ «Таким образом, нрав императора изменился, кончился второй период, и с этого момента начался третий» (*Chron.*, II, p. 128).

⁴¹ «Как я слышал от историков, которые описывали его (*ὡς δὲ ἐγὼ τῶν ἀρχαιο-λογούντων περὶ αὐτὸν ἐγγραφεῶν ἤκουσα*), император сначала вовсе не был таким; на-

Упомянув уже в самом начале раздела III⁴² о трансформации нрава Василия, Пселл сразу же приступает к изложению тех событий, которые к этой трансформации привели: восстаний Варды Склира и Варды Фоки. Как и в других биографиях, прагматическая история оказывается своеобразным комментарием к характеристике нрава императора, расширенным изложением обстоятельств, приведших к изменению его характера. Лишний раз это подчеркивается в конце рассказа: «С этого момента (имеется в виду гибель Варды Фоки. — Я. Л.) император стал совершенно другим. Стал подозрительно относиться ко всему. . .»⁴³. Таким образом, изменение характера и здесь оказывается композиционным рубежом в биографии: остальная часть раздела III посвящена описанию деяний «изменившегося» императора, проявлению благоприобретенных дурных свойств. Сюда входят расправа с паракимоном Василием, постепенное отстранение от власти брата Константина, приближение незнатных людей, накопление сокровищ и т. д. Следует при этом учесть, что изменение нрава Василия Пселл датирует концом 80-х годов и, таким образом, события его остального почти сорокалетнего царствования излагаются без распределения во времени (вместо хронологической связи и здесь — ассоциативное сцепление эпизодов). Как и в биографии Исаака, Пселла больше интересует хронология характера, чем хронология событий⁴⁴.

Наблюдения, сделанные при анализе биографий Исаака Комнина и Василия Болгаробойцы, можно подтвердить и примером жизнеописания Романа Аргири (Chron., I, p. 32—52).

После ярко выраженного здесь раздела II⁴⁵ повествование обращается к началу царствования Романа. Рассказывая о его правлении, Пселл дважды отмечает изменение его характера. Более других самодержцев склонный прежде к раздачам и благодеяниям, Роман, «будто с ним случилось какое-то неожиданное и непредвиденное изменение», «стал вдруг совсем непохож на себя»⁴⁶. Это первое изменение характера приводит к резкому ухудшению отношений Романа с женой Зоей.

Однако композиционное значение имеет здесь главным образом второе изменение характера императора, наступившее после неудачной кампании против «сарацин» (1030 г.): «Раскаявшись в содеянном и терзаясь душой, он резко переменялся и обратился к неподобающей жизни»⁴⁷. Надеясь вернуть растроченные на войне богатства, Роман стал скорее сборщиком налогов, чем императором. Это заявление дает писателю возможность перейти к описанию мероприятий императора, которые служат как бы иллюстрацией к высказанной мысли.

В определенной степени к этому же типу биографий примыкает и жизнеописание императора Романа Диогена, хотя роль композиционного стержня здесь выполняет не резкое изменение нрава, а нечто другое. В раз-

против, от распущенного и изнеженного он перешел к строгому образу жизни, обстоятельства как бы укрепили его нрав, они сделали крепким то, что в нем было ослабленным, твердым то, что было размягченным, и целиком преобразили его жизнь» (Chron., I, p. 4).

⁴² Раздел II этой биографии — традиционное сличение характеров (συγκρισις) братьев: Василия и Константина (Chron., I, p. 2—3).

⁴³ Chron., I, p. 11.

⁴⁴ Скорее всего, именно это обстоятельство и приводит Пселла в некоторых случаях к нарушению реальной хронологии. Так, согласно Пселлу, изгнание паракимомена Василия произошло после гибели Варды Фоки, т. е. после 989 г. На самом деле паракимомон был отстранен от дел четырьмя годами раньше. Поскольку борьба с Фоккой, по Пселлу, — одна из причин изменения характера Василия, а изгнание паракимомена — результат этого изменения, реальное хронологическое соотношение фактов искажено. Иными словами, хронологическая ошибка — следствие своеобразного авторского способа расположения материала.

⁴⁵ «Так вернемся же к рассказу о происхождении его власти», — заканчивает Пселл «предварительную» характеристику императора (Chron., I, p. 34).

⁴⁶ Chron., I, p. 35.

⁴⁷ Ibid., I, p. 40.

деле II («предварительная характеристика») Пселл сообщает об основных, с его точки зрения, свойствах Романа: император был лукав и спесив (так лишь приблизительно можно передать значение эпитетов *εἰρωνικός* и *ἀλαζών*), стремился к самовластию в управлении всеми делами⁴⁸. Именно эти качества, по Пселлу, и заставили Романа отправиться в первый поход против сельджуков в 1068 г. Успех кампании становится для императора «предлогом для наглости» (*πρόφασις τῆς ἀλαζονείας*)⁴⁹: Роман третирует императрицу, благодаря которой получил престол, и т. д.

Но еще больше наглость и спесь императора возрастают в результате успешного окончания второго похода в 1069 г.⁵⁰ С императрицей он стал обращаться, как с пленницей, а кесаря Иоанна Дуку даже собрался предать смерти. И, наконец, высшим выражением «наглости» императора становится третий, закончившийся трагедией при Манцикерте поход 1071 г. Неудача служит естественным поводом для Пселла перейти к рассказу о драматических перипетиях судьбы Романа последних месяцев его жизни (плен, ослепление, смерть)⁵¹.

Нетрудно заметить, что эпизоды этой биографии располагаются в хронологической последовательности: временную канву создают три похода императора против сельджуков. Однако хронология событий оказывается тесно связанной с хронологией характера: каждый поход Романа является некоей новой ступенью в проявлении его «наглости».

Итак, структура группы рассмотренных выше биографий определяется главным образом стремлением автора показать эволюцию нрава героя под влиянием событий. Это стремление вытекает из собственных этических теорий Пселла: характер человека, особенно если этот человек император, принципиально не является постоянным, а подвержен непрерывным изменениям⁵².

Особое место среди биографий занимает жизнеописание Константина IX Мономаха. Прежде всего оно значительно превосходит по объему все остальные (около трети текста всего произведения, содержащего рассказы о 14 царственных персонах)⁵³. Дело, однако, не в объеме. Рассмотрим подробнее композицию биографии.

После весьма обширного раздела I⁵⁴, включающего историю возвышения Константина, начинается раздел II, который здесь весьма оригинален. Пселл начинает издали: он не хотел писать истории и принялся за этот труд только под влиянием уговоров друзей. В особенно трудном положении он находится при составлении жизнеописания Мономаха. Как совместить

⁴⁸ Chron., II, p. 157.

⁴⁹ Ibid., II, p. 158.

⁵⁰ Ibid., II, p. 160: 'Εντεῦθεν οὖν αὐτῷ πλείων ὁ κόμπος καὶ μείζον τὸ φρόνημα.

⁵¹ Ibid., II, p. 163 sq. Последний раздел этой биографии наиболее подробен, ибо большую роль в событиях играл сам Пселл.

⁵² Представления Пселла о человеческом характере заслуживают специального рассмотрения. Сошлемся лишь на его рассуждения в биографии Константина IX, представляющие полемику с другими биографами: «Большинство тех, кто посвящает себя жизнеописанию императоров, удивляются тому, что никто из властителей до конца жизни не остается добропорядочным, но одни лучше в начале, другие — в конце жизни. . . . Что же касается меня, то я, напротив, удивился бы, если бы было иначе. Ведь не так просто найти даже частного человека, который бы от начала до конца шел бы прямой дорогой. А человеку, получившему от всевышнего царскую власть, да еще к тому же живущему долгие годы, вообще невозможно осуществлять свою власть с помощью одних только прекрасных деяний. Ведь частному человеку для добродетели достаточно природы его души и первого жизненного состояния, ибо он встречается с небольшим числом внешних противодействий и обстоятельства не изменяют его души. Совсем иное дело с императором, ни одно мгновение жизни которого не обходится без бедствий» (См. Chron., I, p. 130—131).

⁵³ Сам Пселл говорит, что он превысит обычный размер биографий, ибо Мономах царствовал дольше других, больше других совершил как хорошего, так и дурного, и Пселл постоянно при нем находился (Chron., I, p. 124).

⁵⁴ План биографии см. ниже, стр. 36.

в одном произведении похвалу энкомия (Пселл не хочет оказаться неблагодарным⁵⁵) с объективным изложением фактов? И вот для обоснования своей позиции он излагает взгляды на человеческий характер вообще. «Некоторые, — пишет Пселл, — поскольку деяния царственных особ смешанные (т. е. представляют собой смешение добрых и злых поступков. — Я. Л.), не умеют ни порицать с начала до конца, ни только хвалить, их приводит в замешательство соседство противоположностей»⁵⁶. «... Ничего удивительного, если ни один из императоров не вел безупречной жизни. Если не всем, то хотя бы моему императору хотел бы я приписать такую долю, но не по нашей воле развиваются события. . .», — заканчивает свои рассуждения Пселл. Эти мысли предшествуют детальной характеристике императора, занимают место раздела II («предварительной характеристики») и по сути дела таковой и являются: Пселл называет тут основное свойство характера — «соседство противоположностей», раскрытию которого и служит остальная биография.

Как и полагается, раздел III начинается с характеристики начала правления императора. И здесь хронологическая последовательность постоянно подменяется ассоциативной связью, а реальные исторические события служат иллюстрацией свойств и состояний героя⁵⁷. Пользуясь этими традиционными для себя приемами, писатель, казалось бы, доводит повествование до логического конца (Пселл приступает к рассказу о болезни, предшествовавшей смерти, описывает внешность императора⁵⁸), однако в этот момент, когда по канонам пселловских биографий следовало бы ожидать заключительного раздела, повествование неожиданно возвращается назад. «Поскольку, — заявляет Пселл, — как и обычно в данном сочинении, я многое опустил в этом рассказе (πολλὰ τῶν ἐν μέσῳ τῆς ὑπόθεσεως τῆς δε παραλελειπόως), я вновь вернусь к Константину, прежде, однако, расскажу о Зое, а затем вновь примусь за другой рассказ» (ἐτέρας ἔξομαι ὑποθέσεως). Таким образом, все, о чем повествовал Пселл до сих пор, оказывается первым рассказом (ὑπόθεσις), за которым должно последовать новое повествование о Константине — «другой рассказ» (ἐτέρα ὑπόθεσις). Писатель выполняет обещание: после характеристики Зои действительно следует новый рассказ об императоре, продолжающийся уже до начала раздела IV — сообщения о смерти Константина.

Интересно, что «другой рассказ» композиционно параллелен «первому» и соответствует уже установленному нами типу построения биографий: он начинается с «предварительной характеристики», за которой следует характеристика «детальная», иллюстрируемая рядом исторических экскурсов. Таким образом, в этой биографии происходит своеобразное дублирование композиционной схемы⁵⁹.

⁵⁵ См. выше, стр. 26, прим. 14.

⁵⁶ Chron., I, p. 129. Не вызывает сомнений, что в данном случае под «некоторыми» (οἱ μὲν) Пселл имеет в виду других авторов жизнеописаний императоров. В английском переводе Сьютера other writers (Рено переводит les autres hommes). В этом нас убеждают непосредственно следующие за этим слова (см. выше, прим. 52), где писатель противопоставляет себя «большинству тех, кто посвящает себя жизнеописанию императоров». Взгляд на человека как на существо изменчивое, конгломерат противоречивых свойств и качеств неоднократно высказывается Пселлом (ср. Bibl. gr., V, p. 435—436; Scr. min., II, p. 62).

⁵⁷ Для биографии Константина Мономаха характерна усложненная рамочная композиция. Эпизоды заключены друг в друга «по принципу матрешки».

⁵⁸ Ср. биографию Василия II, где рассказ о внешности непосредственно предшествует сообщению о смерти.

⁵⁹ Последнее событие, о котором Пселл повествует в ὑπόθεσις I, относится к 1049 г., первое датируемое событие ὑπόθεσις II произошло в 1043 г. Таким образом, Пселл не только повторяет композицию, но и возвращается назад в чисто хронологическом отношении. Интересно, что как ὑπόθεσις I, так и ὑπόθεσις II начинаются с рассуждений о границах истории и энкомия. Это уже не только композиционная, но и смысловая параллель.

Чтобы наглядней представить сложную композицию этой большой биографии, приведем схему ее построения:

Р а з д е л I

Восшествие на престол (XV—XXI)

ὑπόθεσις I («Первый рассказ»)

Р а з д е л II

Предварительная характеристика (XXII—XXVIII).

Р а з д е л III

- А) Начало царствования, раздача чинов (XXIX—XXX).
  - Б) Доброта и приятный нрав (XXXI—XXXIV).
  - Рассказ о самом себе (XXXV—XLVI)⁶⁰.
  - В) Легкомыслие императора, связь со Склириной (XLVII—LXXI).
  - Г) Нежелание императора заниматься делами.
    - 1. Восстание Георгия Маняка (LXXIV—LXXXIX).
    - 2. Нападение русских на Византию (XC—XCV).
    - 3. Мятеж Льва Торника (XCVIII—CXXXIII)⁶¹.
  - Д) Внешность императора (CXXIV—CXXVI).
  - Е) Болезнь императора, беспечное отношение к болезни (CXXVII—CXXXIII).
  - Ж) Беспечное отношение к охране своей персоны.
    - 1. Первое покушение на Константина (CXXXIV—CXXXVII).
    - 2. Второе покушение на Константина (CXXXVIII—CLV).
- Х а р а к т е р и с т и к а и м п е р а т р и ц ы З о и (CLVII—CLX)
ὑπόθεσις II («Другой рассказ»)

Р а з д е л II^a

«Предварительная характеристика» (CLXI—CLXIV)

Р а з д е л III^a

- А) Милосердие Константина (CLXV—CLXXII).
  - Б) Любовь к удовольствиям и развлечениям (CLXXIII—CLXXIV).
  - В) Неуравновешенность характера.
    - 1. Приближение евнуха Иоанна (CLXXVII).
    - 2. Возвышение и падение Константина Лихуда (CLXXVIII—CLXXXII).
    - 3. Горе по поводу смерти Зои (CLXXXIII—CLXXXIV).
    - 4. Сооружение роскошного храма (CLXXXV—CLXXXIX).
  - Г) Стремление Константина к упрочению власти (CLXXXIX—CXC).
- П о с т р и г П с е л л а (CXCI—CC).

Р а з д е л IV

Болезнь и смерть Константина (CC—CCIII).

Естественно возникает вопрос, в чем заключается причина столь сложного построения биографии. Лучше всего, думается нам, на него отвечает сам Пселл в конце жизнеописания: «Рассказ об этом императоре, — пишет Пселл, — как будто противоречит самому себе, он изменяется и преобразуется вместе с ним (Константином. — Я. Л.). Он построен по законам

⁶⁰ Нами выделены эпизоды, представляющие собой отступления от основного рассказа, столь частые в «Хронографии».

⁶¹ На плане можно легко видеть, как исторические эпизоды (они обозначены арабскими цифрами) служат у Пселла иллюстрацией черт характера или свойств императора (под буквенным обозначением).

правды, а не риторики, уподобляется и как бы соперничает ему (Константину. — Я. Л.)»⁶². Другими словами, противоречивость и сложность этой биографии — не что иное, как отражение противоречивости и сложности самой личности Константина Мономаха. Вспомним, что «соседство противоположностей», по Пселлу, — основное свойство этого императора.

Пселл, говорили мы, провозглашает в теории соответствие формы произведения его содержанию. Он и на практике старается идти не от канона и догмы, а от специфики предмета повествования и от своей целевой установки⁶³.

---

⁶² Chron., II, p. 72.

⁶³ Уже после того, как настоящая статья была набрана, автор ознакомился с книгой Р. Анастаси, специально посвященной «Хронографии» Пселла (*R. Anastasi. Studi sulla Chronographia di Michel Psello. Catania, 1969*). Выводы итальянского ученого, к сожалению, не смогли быть использованы в работе.